

КОЛЛЕКТИВНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЗВИЩА ОТРАЖЕНИЕМ РОССИЙСКОЙ И ПОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

БАРАНСЬКА М.

Католический Университет Иоанна Павла II

В лексической системе языка имена собственные занимают особое место, хотя и недостаточно определенное в своих крайностях – в силу специфики значения и структуры, неоднородности и многочисленности объектов, все увеличивающихся вместе с поступательным развитием цивилизации. В последнее время в современной лингвистике наблюдается значительное увеличение области знания о языке через возрастающую заинтересованность научных работников проблемами ономастики. По отношению к усиливающимся явлениям массовой культуры начато указывать на существенную роль имен собственных, которая формируется в свете ключевой идеи в современном языкознании, а именно идеи антропоцентричности языка. Совершающийся отход исследователей от рассмотрения объекта познания в существенный способ влияет на расширение научных горизонтов, которые все чаще начинают колебаться вокруг субъекта познания, – носителя определенной концептуальной системы, благодаря которой познает он окружающую реальность и язык. Именно в языке, в его лексическом составе и грамматике, составлена по мнению Ежого Бартминского, определенная картина мира, сохраняется текущее (так называемое “наивное”) знание о мире, о предметах, явлениях и соотношениях [9, с. 21].

Бесспорное проявление этого знания находит свое отражение в современных неофициальных антропонимах, что является примером одновременно традиционной национальной культуры, а также живой реакции общества на смены, которые заходят в цивилизации. Неофициальная антропонимия как пример вторичной номинации выступает в абсолютном большинстве антропосистем, особенно русского и польского языков.

В настоящей работе наше внимание обращено прежде всего на коллективно-региональные номинации в русском и польском языках. Благодаря осуществленному исследованию в ономастический обиход стал включен материал, который касается локальной русской микротопонимии и польского диалектного пространства.

Актуальность проблематики, которая поднимается автором, определяется прежде всего результатом и областью проводимых исследований. Литература предмета содержит ряд позиций, которые касаются прозвищ в отдельных диалектах и языках, однако среди них ощутимая нехватка анализа этих единиц в компаративном аспекте.

Следует также отметить, что существует большое количество научных пособий по ономастике, однако подавляющая их часть относится к неофициальным наименованиям, употребляемым молодежью, жителями сел и деревень, в то время как коллективно-региональными наименованиями занимались лишь немногие. Стоит подчеркнуть, что в представлении

неофициальных наименований преобладает тенденция к описанию исключительно прозвищ отдельных жителей, лишь немногочисленные лингвисты представляют в своих работах академические или коллективные номинации, классифицирующие население отдельных местностей совокупно, на основе общего, характерного для них признака с учетом местной расстановки. В связи с этим к необычайно ценным позициям принадлежат разработки таких русских ономастов, как Н. В. Дранникова, которая, описывая в своей монографии локально-групповые прозвища на севере России, подает контекстуальность, функциональность и состав прозвищного фольклора [5, с. 2004].

Разные аспекты функционирования локальных этнонимов обсуждаются также в некоторых украинских работах, например П. П. Чучка выделяет топоапеллятивы, нейтральные и заклеяменные стилистически, экспрессивно-оценочные катойконимы [8, с. 508].

В украинском диалектном пространстве Олег Тищенко отыскивает подобные прозвища на бойковско-лемковском пограничье в окрестностях Саноча: *Кулна команец'ка* – на жителей села Команча. Интересны также примеры прозвищ, зафиксированные через этого исследователя во львовской округности, типа *Bagniuku, Siczkari, Gladuszczyky, Golopuc'ky* и другие [7, с. 723–732].

В последнее время прозвища как специфическая антропонимическая категория часто включаются во многие лингвистические разработки, обогащая содержания разнообразных жаргонных словарей [2; 6]. Потребность систематизации данной категории проявляется также в поднятии первых попыток их специализированной лексикографической разработки, чего доказательством являются первый русский региональный словарь прозвищ Республики Коми [3], сборник коллективно-диалектных прозвищ жителей архангельской области [4], “Большой словарь русских прозвищ” [1] а также “Słownik antroponimów przezwiskowych żargonu młodzieżowego” [10].

Переходя к обсуждению семантического аспекта лексического состава обоих языков, мы приходим к выводу, что зависит он от внешних факторов, обусловленных реалиями окружающей реальности, и от внутренних, психических или культурных факторов, что обнаруживается между прочим в сфере количественного развития лексического запаса русского и польского языков. В результате цивилизационных изменений, влияющих на растущее число объектов нуждающихся в названии, язык подлжит непрестанной эволюции.

Для начатых автором данной работы размышлений знаменательны слова Р. Токарского, который утверждает нас в убеждении, что лексика, а конкретно ее внутреннее расчленение, а также семантическая структура одиночных слов, являются отображением интеллектуальных и эмоциональных взаимоотношений человека к тем, которые отвечают выражениям фрагментов внеязыковой реальности [11, с. 337].

Имея в виду вышесказанное, в данной работе на основе лексикально-семантического анализа прозвищ предпринимается попытка проявления межъязыковых схожести и отличий, то есть разных аспектов языкового названия подобных фрагментов реальности, а точнее определение способов

имеющейся в сознании поляков и россиян языковой интерпретации мира.

К одним с более открытых лексических подсистем можно зачислить прозвища, творцами которых, в большинстве случаев, есть потребители языка, которые характеризуются принадлежностью к разным общественным средам. Обсуждая вопрос неофициального личного наименования от семантической стороны, мы видим, что в основе прозвищных наименований (ПН) могут быть заложены определенные стереотипные воображения о мире и человеке.

Стереотип имеет общегражданский характер, а его признаки проникают к сознанию единиц, которые есть членами данной общественной группы. Заключается он на приписывании идентичных признаков или мотивации каждому лицу, которое принадлежит к данной группе, без учета существующих реально отличий между этими лицами. Обобщенно обхватывая, можно утверждать, что это негативное изображение данной группы людей, которое опирается, в большинстве случаев, на фальшивых и недостаточно обоснованных обобщениях.

Частым примером такого типа обобщения является вид стереотипов, касающихся своим содержанием этнических групп (других народов или национального меньшинства), а особенно важное значение в этой сфере имеют следовательно неофициальные антропонимы, функционирующие в обществе как своеобразная характеристика носителя. Действие стереотипа заключается в том, что достаточной является самая принадлежность к данной группе, чтобы одиночному лицу приписано отрицательные черты, которыми отражается вся группа.

В свете этого факта, коллективно-региональные прозвища являются славным отражением тенденции к стереотипному восприятию реальности и четко отмечают субъективную точку зрения их авторов, конституируя, что проявляется на плоскости языка, навязывание среде картины “чужого”.

Прозвище – это специфического рода описание, характеристика не только называемого, но и одновременно именующего. Последний факт выступает наглядным примером двусторонности номинации. Значит, по прозвищам можно судить о характере труда или профессии, а также о принадлежности к определенной среде говорящих. Исследуя различного рода неофициальные имена, можно прийти к выводу, что в них представлены все возможные типы номинации. Исходя из такой точки зрения видно, что прозвища приближены, в огромной степени, к апеллятивам. В процессе называния, использующим либо прозвище, либо апеллятив, сходным моментом, следует считать уже формирование самого понятия.

Как и при номинации апеллятивом, так и при номинации проприальным именем у одного называемого объекта может быть выявлено несколько важных черт, которые в одинаковой степени отражают его, благодаря чему могут послужить основой именованию. Таким образом, современные прозвища служат неофициальным названиям и характеристикам разного рода объектов, которые отличаются своеобразными принципами номинации и ограниченной сферой употребления. Здесь имя нарицательное, мотивирующее прозвище, не обязательно входит в его состав. Появление прозвищного наименования может быть связано с конкретным признаком лица (например, цветом волос,

телосложением), обладанием характерным предметом, особой чертой характера или манерой произношения некоторых слов. В связи с признаком, по которому они возникают, все ПН можно разделить на те, которые образуются на основе:

1) особенностей внешнего вида: *Łachmany* – Bukowina: dziwny ubiór [СА: ПКП], *Świeci-pyski* – Orzechówka, dziewczyny mają zawsze ostre makijaże [СА: ПКП], *Клоны* – село Прокопьевка, отличались очень маленьким ростом [И.1], *Красносарафанки* – прозвище летних работниц из бывшего Череповецкого, Устюженского и других уездов Новгородской губернии, носивших красные сарафаны [СРНГ 15: 185], *Вислоухи* – ростовцев прозвали “висловухими” за шапки с ушами [И. 2];

2) поведения: *Dzikie konie* – Bachórzec, ze względu na głośny sposób bycia, od niewychowania i ich ordynarności [СА: ПКП], *Koguty* – Nowosielce: ponieważ są agresywni, często stają do bójek [СА: ПКП], *Ёжники* – д. Неклюдовская: такие колючие, не всегда уступают, неласковые, несговорчивые [Калуцков], *Козлы* – д. Остапово: упрямые, вредные [Калуцков], *Телята* – прозвище жителей д. Михайловская: смиренные, неподвижные [Калуцков];

3) увлечений, привычек: *Baszczawnicy* – Rzeszów, często jedzą barszcz, by zaoszczędzić czas i pieniądze na urozmaicenie menu [СА: ПКП], *Herbaciarze* – Jasionów, piją dużo herbaty [СА: ПКП], *Rosolniki* – Cieszanów: często jedzą rosół, zwłaszcza w niedzielę [СА: ПКП], *Чаехлёбы* [И. 1], *Житники* [СРНГ 9: 191], *Сдобные кокуры* – Прозвище заволжских жителей, которые держат много коров и едят сдобные лепешки [СРНГ 14: 104-105];

4) особого типа занятий, деятельности: *Garncarze* [СА: ПКП], *Kramarze* [СА: ЛБ], *Przemytnicy* [СА: ЛБ], *Землекопы* – прозвище жителей Вельского уезда Вологодской губернии, занимающихся земляными работами в других губерниях [СРНГ 11: 256], *Картошечники* – прозвище жителей Кусинского и Саткинского заводов, где было развито разведение картофеля для продажи на базаре [СРНГ 13: 105], *Крапивники* – прозвище жителей города Уржума, которые будто бы прежде торговали крапивой на местном рынке [СРНГ 14: 104–105];

5) речевых привычек: *Високи* – о kibicach z Tarnowa, na pograniczu woj. małopolskiego i Podkarpacka, od okrzyku “Вuuuuuu” [СА: ПКП], *Уны* – Gorzków: nie mówią oni tylko uny [СА: ПКП], *Мету* – wieś Kocudza: zamiast a mówią e [СА: ЛБ], *Жеки* – Прозвище жителей некоторых сел, часто употребляющих в речи частицу *же* [СРНГ 9: 100], *Булочники* – прозвище старочеркасских кавакор за частое употребление слов *бул*, *були* [СРНГ 3: 271].

Приведенные примеры ПН позволяют утверждать во мнении о богатстве и разнообразии данной группы лексической системы обоих языков, обусловленной культурными и социальными факторами, которая, по-настоящему, характеризует мировоззрение людей, отношения между ними, общественные традиции. Они являются наглядным подтверждением того, что прозвищные наименования могут отражать физические и моральные особенности определенных групп людей, ибо их содержание выражается, в большинстве случаев, именем нарицательным, служащим для описания лица.

В большинстве обсужденных названий они свидетельствуют также он о привязке населения к собственному содружеству и об отторжении других групп

(в том числе отдельных единиц) а также о нежелании или даже иногда о презрительности для “чужих”. Особенно прозвища употребляемые населением пограничной зоны на определение своих соседей, являются отражением тенденции к стереотипному восприятию реальности и четко отмечают субъективную точку зрения их авторов.

Подытоживая, следует сказать, что, невзирая на опытный материал, мы понимаем, что предлагаемая статья, имеет отрывочный характер и тем самым не исчерпывает начатую тему, которая представляет очень интересный вопрос заодно в языковом, как и этнографическом, или общекультурном плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – М. : Олма Медиа Групп, 2007. – 704 с.
2. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Словарь современных русских прозвищ. Экспериментальный выпуск / Х. Вальтер, В. М. Мокиенко. – Greifswald, 2004.
3. Волкова Н. И. Региональные прозвища Республики Коми. На примере семантического микрополя “Полный, толстый” / Н. И. Волкова // Русский язык и культура Северного Предуралья / Ред. Г. И. Тираспольский. – Сыктывкар, 2002. – С. 182–185.
4. Воронцова Ю. Б. Материалы к словарю коллективных прозвищ жителей Архангельской области / Ю. Б. Воронцова // Вопросы ономастики. – 2006. – № 3. – С. 84–109. – Режим доступа : <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1956>; // Вопросы ономастики. – 2007. – № 4. – С. 83–109. – Режим доступа : <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/2004>.
5. Дранникова Н. В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре русского севера. Функциональность, жанровая система, этнопоэтика / Наталья Васильевна Дранникова. – Архангельск, 2004.
6. Елистратов В. С. Толковый словарь русского сленга / Владимир Станиславович Елистратов. – М. : Олма Медиа Групп, 2007.
7. Тищенко О. Аксіологічна маркованість прізвиськ у різномовному відбитті / О. Тищенко // Słowo. Tekst. Czas. Jednostka frazeologiczna w tradycyjnych i nowych paradygmatach naukowych / Под ред. М. Aleksiejenki, Н. Waltera, Szczecin. – Graifswald, 2010. – С. 723–732.
8. Чучка П. П. Ukraina – Антропонімія – Інші види особових назв / П. П. Чучка // Słowiańska onomastyka. Encyklopedia / E. Rzetelska-Feleszko, A. Cieślíkowa, J. Duma. – Warszawa, 2003. – С. 502–510.
9. Bartmiński J. Wprowadzenie / J. Bartmiński // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski / J. Bartmińskiego. – Wrocław 1993. – С. 13–23.
10. Mrózek R. Słownik motywacyjny antroponimów przezwiskowych socjolektu młodzieżowego / Mrózek R. – Kraków, 2007.
11. Tokarski R. Słownictwo jako interpretacja świata / R. Tokarski // Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. Współczesny język polski / J. Bartmińskiego. – Wrocław, 1993. – С. 335–362.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

СА – Собственное анкетирование

ПКП – Подкарпатское воеводство

ЛБ – Люблинское воеводство

СРНГ – Филин Ф. П. Словарь русских народных говоров / Федот Петрович Филин. – М., 1965–2002.

Калуцков – Калуцков В. Н. Прозвища жителей чадромского куста деревень Устьянского района Архангельской области / Владимир Николаевич Калуцков. – Режим доступа : <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/2022/1/VO-2007-04-24.pdf>.

И. 1 : Маркова А. Этнографы Коми нашли в Прилузье чаехлёбов / А. Маркова. – Режим доступа : <http://www.komiinform.ru/news/58784/>

И. 2 : Забавные прозвища жителей русских городов. – Вып. 3. – Режим доступа : http://www.abhoc.com/arc_an/2004_03/238/

ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА ПОТРЕБНОСТНОГО КОДА

ГАШИМОВ Э. А., КУРОВСКАЯ А. Е.

Московский городской педагогический университет, Самара

*Изучать язык – значит проникнуть
в “зеркало разума”,
область, сулящую
привилегированный доступ
к изучению человеческого познания.*

Н. Хомский

Долгое время изучение этноязыков, с одной стороны, и этнокультур, с другой велось на основе применения разных понятийно-терминологических аппаратов. Впоследствии они стали анализироваться во взаимной связи с использованием единой системы инструментальных категорий. Такая система составила универсальный методологический базис исследований, основы которого были заложены Ф. де Соссюром, Ч. Пирсом, Ч. Моррисом.

Во второй половине XX века в рамках семиотики возникла отрасль, получившая наименование семиотики культуры (К. Леви-Стросс, Р. Барт, У. Эко, Ю. М. Лотман, Е. В. Падучева и др.). Это позволило трактовать явления языка и культуры как явления одного порядка. Культура предстала взору исследователей как полиглотический феномен, т. е. как система знаковых систем.

В работе “О природе и языке” Н. Хомский задался вопросами: Что такое знание языка, как оно приобретается, какова связь между языком и культурой? Именно эти вопросы выходят на первый план в изучении языка: насколько близко устройство языка приближается к оптимальной реализации условий, которым должна отвечать система, для того, чтобы быть хоть как-то пригодной к употреблению? И какова связь языка и культуры? Не случайно этой области исследования посвящены многие труды как отечественных, так и зарубежных лингвистов. Интересны исследования в таких научных областях как этнолингвистика, этнопсихология, социоллингвистика. Эти науки тесно связаны с уже набирающей силой лингвокультурологией, которая рассматривается как прикладной аспект в процессе преподавания языка. Отечественные ученые рассматривают данную область науки как:

– комплексную область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры (В. И. Карасик);

– область, призванную описывать наиболее общие закономерности